

История о муже в лагере и о прописке в Биробиджане. Письма Нины (Нехамы) Шейнфельд во власть (1939–1941)¹

Мария Александровна Макарова

Варшавский университет
Варшава, Польша

Докторант
ORCID: 0000-0001-9227-7581

Исторический факультет Варшавского университета
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa

+ 48 (22) 552-04-13

E-mail: maria.makarova@uw.edu.pl

DOI: 10.31168/2658-3380.2021.21.3.3

Аннотация: Статья посвящена анализу хранящегося в ГАЕАО (копия – в САНПР в Иерусалиме) корпуса писем 1939–1941 гг. Н.П. Шейнфельд в советскую прокуратуру и к руководству СССР, в которых она добивалась справедливости по делу своего арестованного мужа И.И. Форера, а также собственной реабилитации. В архивное дело входят 18 писем Шейнфельд, письмо ее отца военному прокурору СССР, письмо ее мужа И.И. Форера семье, внутренняя прокурорская переписка, документы о пересмотре дела И.И. Форера. Корпус писем анализируется в рамках методологии «советской субъективности» (И. Халфин, И. Хелльбек), рассмотрены особенности конструирования Н.П. Шейнфельд биографий мужа и своей собственной, а также выстраивания ею системы доказательств в защиту И.И. Форера.

Ключевые слова: *Биробиджан, Еврейская автономная область, Нина Шейнфельд, репрессии, Большой террор, польская операция НКВД, эпистолярный жанр*

¹ Работа проводилась по международному гранту Центра «Сэ-фер» на исследование по истории и культуре российского еврейства в различные исторические периоды. Грант предоставлен в рамках благотворительной программы «Академическая иудаика на постсоветском пространстве», реализуемой при поддержке фонда «Генезис» (Genesis Philanthropy Group).

Среди материалов Архива истории еврейского народа в Иерусалиме (The Central Archives for the History of the Jewish People, САНІР), связанных с историей Еврейской автономной области (ЕАО), находится копия дела прокуратуры ЕАО с документами по наблюдательному производству [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148]. Оно касается жалобы Нины Петровны Шейнфельд по делу ее мужа Иосифа Исааковича Форера, арестованного в 1937 г. и осужденного в 1938 г. по ст. 58-10 УК РСФСР [Форер 2015]. В деле представлена переписка Нины Шейнфельд за 1939–1941 гг. с Генеральной прокуратурой СССР, прокуратурой ЕАО, а также письма председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину и даже И.В. Сталину. Шейнфельд высказывает в письмах два главных требования: пересмотреть дело ее мужа, который, как она считает, был несправедливо осужден, а также разрешить ей прописаться в Биробиджане.

Поскольку тексты Шейнфельд – не просто жалобы, а достаточно объемные «письма во власть» с представлением аргументов и выражением отношения к сути дела, представляется интересным проанализировать их с точки зрения методологии «советской субъективности» (подробнее см. ниже). При анализе источника я буду стараться, следуя методу исследования советской субъективности, не читать между строк и не видеть в этих письмах больше, чем в них написано, следуя за их содержанием.

Судя по сохранившимся документам, Нина Шейнфельд не оставляла надежды добиться справедливости и, более того, проявляла невиданное упорство в обращениях ко властям разных уровней, постоянно напоминая о важности своего дела:

Вам наверное надоели мои письма, хуже горькой редьки, но я не могу успокоиться пока не добьюсь категорического и точного ответа от Вас. За что и до каких пор ни в чем неповинный человек, явившийся в свое время жертвой клеветников, должен отбывать тяжелое, незаслуженное наказание. Из моих многочисленных писем дело Форера Иосифа Исааковича, Вам

должно быть известно наизусть² [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 28],

пишет она 23 апреля 1940 г. в письме прокурору Еврейской автономной области.

Вероятно, такое упорство Шейнфельд было связано не только со стремлением во что бы то ни стало добиться справедливости и освобождения мужа, но и с тем бедственным положением, в котором она сама и ее дети оказались после его ареста. В этой ситуации, как можно предположить, иного выхода у Шейнфельд не было – «письма во власть» были последней надеждой, за которую она цеплялась.

Во временной перспективе упорство Шейнфельд выглядит еще и чудесным совпадением – относительного успеха она добивается к зиме 1941 г., когда ей, наконец, удается вернуться с Украины домой в Биробиджан. Это событие, как можно предположить, спасает ее с троими детьми от вполне вероятной гибели в Холокосте.

Изучение советской субъективности

Категория «советской субъективности» как инструмент для понимания советского человека была введена американским историком С. Коткиным и в дальнейшем разрабатывалась И. Халфиным (Израиль) и Й. Хелльбеком (Германия, США). Согласно этой концепции, советский человек под влиянием власти постоянно участвовал в совершенствовании и конструировании своего «Я», используя предложенные ею инструменты и язык. В исследовательской практике оптика «субъективности» используется при анализе эго-документов (дневники, автобиографии); удобна она и для рассмотрения «писем во власть», ибо они проливают свет «на активную роль акторов в самоформировании советской субъективности через самоусовершенствование автобиографии и об-

² Здесь и далее, цитируя источник, я буду сохранять орфографические и пунктуационные особенности, а также подчеркивания, имеющиеся в письмах.

ращение за помощью к влиятельным вождям» [Тихомиров 2016, 139].

Вслед за Й. Хелльбеком я буду понимать субъективность как «исторически обусловленную форму Я (selfhood)», отражающую то, как «индивидуумы концептуализируются извне или концептуализируют себя сами». Как полагает Й. Хелльбек, «такое „Я“ создается в процессе взаимодействия предписаний и практик, которые изменяются во времени и пространстве, направлены на индивидуумов и побуждают их к определенному образу жизни и к стремлению к определенным целям» [Халфин, Хелльбек 2002, 218–219].

В свою очередь, под субъектом понимается «определенный тип «Я», стремящийся к пониманию себя как субъекта своей собственной жизни», что предполагает «определенную степень сознательного участия индивидуумов в сотворении собственной жизни» [Халфин, Хелльбек 2002, 218–219].

По И. Халфину, коммунистическое «Я» и автобиографию как средство его формирования можно рассматривать через призму современного субъекта, который является «объектом своих собственных творческих усилий» [Халфин, Хелльбек 2002, 221].

Рассказывая свою жизнь, коммунист стремился уяснить свою собственную роль в разворачивающейся Истории и таким образом вписать себя в советский политический порядок [Халфин, Хелльбек 2002, 221–222].

По мнению С. Коткина, советский субъект рационально использовал государственную идеологию и язык для конструирования собственной идентичности или идентичностей. Использование идеологии в частных целях помогало советскому субъекту оптимизировать свою жизнь в условиях сталинизма:

Процесс «положительной интеграции», благодаря которой люди становились частью «официального общества», предполагал возможность изошренных, хоть и неравноправных, сделок с режимом [Коткин 2001, 296].

От рабочих требовали участвовать в советских перформативных действиях, произносить елейные речи, но при этом – в рамках сделки – им

предоставлялась возможность выразить разочарование и даже недовольство, не переступая при этом границы, не оговариваемой специально, но известной всем [Коткин 2001, 296].

По Коткину, у людей не было иного выбора, кроме как усвоить, где проходит эта граница между допустимым и недопустимым в советском дискурсе. С другой же стороны, советская действительность учила их, как можно «использовать систему с минимальным ущербом для себя» [Коткин 2001, 296].

Как отмечает А.А. Тихомиров, конструируя свою автобиографию в советское время и проходя через чистки, «люди действовали в коммуникативном пространстве (пере-)распределения доверия и недоверия партии» [Тихомиров 2016, 140].

Эти категории были важнейшей частью советской политики и сопутствовали политике «срывания масок», делившей советское общество на настоящих советских людей и людей с фальшивой идентичностью. Письма во власть, как отмечает исследователь, являлись

экспериментальной площадкой для “конструирования себя”, пространством работы по самосовершенствованию, способом внутреннего усвоения идеологии и методом субъективации советского порядка [Тихомиров 2016, 140].

При изучении советской субъективности эти тексты проливают свет на определение границ морального и неморального, политического и неполитического, друзей и врагов режима.

Перспектива исследования писем ставит в центр анализа советское «я» в паутине властных отношений, не противопоставляя индивида и партию, личность и идеологию, а рассматривая их в комплексных процессах коммуникации, взаимодействия и вза-

имозависимости <...> советские люди знали и чувствовали, как создавать верную идентичность, заслужить доверие партии, превратить себя в творца истории и стать активным участником масштабных политических трансформаций [Тихомиров 2016, 140].

Советские люди для самовыражения и конструирования своей субъективности использовали тот язык, жанры и способы коммуникации, которые были предоставлены им властью. По И. Халфину, грань между «рассказанным Я» и «рассказывающим Я» в такого рода текстах оказывается разрушенной:

Многие современники использовали форму коммунистической автобиографии, чтобы артикулировать новое ощущение собственного Я для себя самих и чтобы очертить свое место в большевистском порядке [Халфин, Хелльбек 2002, 223].

Письма во власть: жизнь жанра в советское время

Письменные и устные обращения к властям, безусловно, имеют давнюю традицию. Она сформировалась еще в эпоху существования на Руси первых княжеств, когда жалобщики просили решить их вопросы представителей родовой или территориальной власти. Как отмечает С. Шкаликова, «позволение подачи жалобы князю фиксируется в первом писаном своде законов – Русской правде» [Шкаликова, Нагорная 2017]. Уже для этого периода по текстам прошений представляется возможным реконструировать взаимоотношения населения с властью.

В XIX в. подача жалоб была институализирована – они подавались через статс-секретаря в Комиссию прошений, затем преобразованную в канцелярию, что, вероятно, оказало определенное влияние на развитие жанра в советский период. После революции октября 1917 г. необходимо было заново выстроить механизм коммуникации населения с властью. Постановление, декларирующее право граждан на обращение в госорганы с целью жалоб на бездействие вла-

стей, – «О революционной законности» – было принято уже 8 ноября 1918 г. на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов:

Вменить в обязанность всем должностным лицам и советским учреждениям, по требованию любого гражданина Республики, желающего обжаловать их действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения, составление соответствующего краткого протокола [О революционной законности 1918].

Отказ в составлении протокола нес за собой привлечение к судебной ответственности:

За явно-неосновательное, грубым злоупотреблением являющееся требование составления протокола, равно как и за отказ от составления его, привлекать к народному суду [О революционной законности 1918].

Как утверждают исследователи, в раннем СССР поток «писем во власть» был не слишком большим из-за неграмотности населения – ежегодно такой возможностью пользовалось около 2% населения. Кроме того, советские люди по-прежнему не верили, что справедливость можно найти где-либо, кроме верхних эшелонов власти:

...население оставалось верно патриархальным традициям и олицетворяло власть в облике конкретных вождей и ближнего к ним круга <...> [Шкаликова, Нагорная 2017, 77].

Как отмечает А. Чернышова, обращение к конкретным лицам из руководства страны было особенно характерно для крестьян: сначала они писали В.И. Ленину, а после его смерти – «всесоюзному старосте» М.И. Калинину. По утверждению А. Чернышовой, люди писали «во власть» с целью

найти управу на местную власть, пробить толщу бюрократической неразберихи и безответственность. Апелляция в верха

виделась как наиболее эффективный способ благоприятного решения проблемы, часто на основе предыдущего места контактов с представителями власти на местах [Чернышова 2005, 118].

Люди думали, что власть на местном уровне искажает политику, спускаемую сверху, «поэтому письмо либо заявление в Москву виделось как диалог с центральной властью напрямую, без лукавых посредников» [Чернышова 2005, 118].

По определению Е. Зубковой, изучавшей послевоенную советскую повседневность, «письма вождям» были для советских людей «последней попыткой вырваться из заколдованного круга повседневности» [Зубкова 1999, 173].

Столкнувшись с произволом и бюрократизмом местных властей, люди шли со своими бедами наверх, надеясь там найти управу на нерадивых чиновников. Некоторые сразу апеллировали к верховной власти, Сталину, заранее убежденные в том, что на местах они не найдут понимания. Верховная власть не только не пыталась сломать эту традицию, но и всячески стремилась соответствовать своей роли высшей инстанции справедливости, «заступницы» за простой народ. На поддержание этого имиджа была направлена так называемая работа с письмами трудящихся [Зубкова 1999, 173].

Власть обязана была реагировать на жалобы. Как пишет А. Кимерлинг, такие письма рассматривались на партийных собраниях, намечались планы по исправлению недостатков:

Вне зависимости от того, подтверждались факты или нет, заявитель имел право на ответ. Он давался инстанцией, которой касалась жалоба, и имел формальное содержание. В частности, в нем сообщалось, подтвердились ли факты, изложенные в жалобе, затем уже речь шла о принятых мерах» [Кимерлинг 2013, 7].

Вероятность того, что жалоба получит необходимый ее автору отклик, по словам А. Кимерлинг, существенно увеличивалась во время политических кампаний. К тому же сам Сталин в 1928 г. в рамках развития института самокритики провоз-

гласил, что «если критика содержит хотя бы 5–10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно» [Сталин 1949, 33].

Описание источника

Папка наблюдательного производства прокуратуры ЕАО по жалобе Н.П. Шейнфельд по делу И.И. Форера (31 августа 1939 г. – 15 февраля 1941 г.) содержит 78 листов. Источник представляет собой корпус документов: это 18 писем Нины Шейнфельд «во власть» (как правило, одно письмо раз в несколько недель), одна почтовая карточка, отправленная ею же, письмо Военному прокурору СССР отца Нины, Пейсаху Нусевича Шейнфельда, проживавшего в Киеве, и единственное письмо самого Иосифа Форера семье из лагеря. Большинство писем Нины Шейнфельд написаны от руки, за исключением нескольких жалоб и заявлений. Очевидно, не все письма, отправленные Ниной Шейнфельд в разные инстанции, имеются в деле. В тех из них, что сохранились, она упоминает о том, что высылала письмо ранее и не получила ответ, однако предыдущего письма в деле нет. Перечень писем выглядит следующим образом:

Дата	Отправитель	Получатель
27.05.1939	Нина Шейнфельд	«Верховному Прокурору Республики тов. Вышинскому» ³
27.05.1939	Нина Шейнфельд	«Дорогой тов. Калинин»
19.06.1939 (из этого письма следует, что Шейнфельд писала еще одно письмо 8.06.1939)	Нина Шейнфельд	«Прокурору Еврейской Автономной Области»
20.06.1939	Нина Шейнфельд	«Дорогой тов. Сталин»
12.07.1939	Нина Шейнфельд	«Прокурору Союза ССР»

³ Получателя здесь я указываю так, как он указан в источнике, и, исходя из этого, заключаю в кавычки.

23.07.1938 [почтовая карточка]	Нина Шейнфельд	«Прокурору Евр. Авт. Обл.»
19.09.1939	Нина Шейнфельд	«Тов. Прокурор»
15.10.1939	Нина Шейнфельд	«Тов. Прокурор»
10.11.1939	Нина Шейнфельд	«Краевому прокурору по спец. делам г. Хабаровск ДВК»
3.12.1939	Нина Шейнфельд	«Уважаемый тов. Прокурор»
19.1.1940	Нина Шейнфельд	«Уважаемый тов. Прокурор»
6.03.1940	Нина Шейнфельд	«Уважаемый тов. Прокурор»
10.03.1940	Нина Шейнфельд	«Прокурору СССР т. Панкратьеву» (копия: «Прокурору по спец. делам ЕАО; Краевому прокурору по спец. делам»)
23.04.1940	Нина Шейнфельд	«Уважаемый тов. Прокурор»
23.04.1940	Нина Шейнфельд	«Дорогой т. Прокурор»
31.05.1940	Нина Шейнфельд	«Хабаровскому краевому прокурору по спецделам»
28.07.1940	Нина Шейнфельд	«Многоуважаемый тов. Прокурор»
[08.08.1940]	Нина Шейнфельд	«Многоуважаемый тов. Рабкин» [прокурор ЕАО]
[21.08.1940]	Пейсах Нусевич Шейнфельд	«Военному Прокурору СССР»
Без даты	Нина Шейнфельд	«Многоуважаемый тов. Левитин» (зам. прокурора ЕАО по спецделам)
8.11.1940	И.И. Форер	«Дорогая Ниночка и детки»

Кроме того, в деле содержатся документы прокуратур разных уровней (прокуратура Биробиджана, прокуратура Хабаровского края, прокуратура Житомирской области, проку-

ратура СССР), а также управления НКВД по жалобе Нины Шейнфельд. Часть из них направлялась из ведомства в ведомство – например, при запросе дела Иосифа Форера для пересмотра. Однако некоторые адресованы непосредственно Нине Шейнфельд, чтобы проинформировать ее о ходе того процесса, который был инициирован ее письмами. То есть органы власти были обязаны дать ход такой жалобе и внимательно к ней отнестись.

Фрагменты переписки из наблюдательного производства по жалобе Н.П. Шейнфельд приведены в книге биробиджанского краеведа Елены Марундик, посвященной истории коммуны «Икор», Соцгородка и судьбам их строителей [Марундик 2018, 300–308]. (Предки Е.Г. Марундик, в том числе родители, были среди первостроителей ЕАО, жили сначала в коммуне «Икор», а затем в Соцгородке).

История «Икора», Иосифа Форера и Нины Шейнфельд

Прежде чем перейти к анализу источника, я хотела бы рачно реконструировать историю коммуны, с которой была связана жизнь Форера и Шейнфельд, а также их биографии.

Иосиф Форер родился в 1905 г. в Гродненской губернии. До 12 лет учился в хедере. После Первой мировой войны его семья переехала в польское местечко Воломин под Варшавой. В 1924 г. Форер уехал в Аргентину, где работал столяром и вступил в Союз синдикалистов. В 1930 г. он присоединился к организации «Прокор», которая занималась переселением евреев в Советский Союз. Спустя год через Бельгию и Германию Форер попал в СССР и вместе с другими прибывшими из Аргентины был направлен в коммуну «Икор» в Биробиджан, куда они прибыли 15 мая 1931 г. В письме своему брату Эзре, оставшемуся в Аргентине, Форер писал:

Мне никогда не приходит в голову мысль о сожалении. Как раз наоборот, мне здесь в Биро-Биджане на сто процентов лучше, чем там, в той стране «со всеми удобствами». Несмотря на то,

что я живу в палатке и нет электричества, что приходится страдать от комаров и еще от многих неудобств, я совсем не жалею и рад всему и всем, как я понимаю и сравниваю прошлое в Аргентине [Марундик 2018, 183].

Образ молодого Иосифа Форера сохранился на фотографии, снятой в колхозе «Икор» в 1935 г. Обществом землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) [Марундик 2018, 186]. По воспоминаниям сына первопоселенцев «Икора» А.М. Подольского, Форер в те годы был «молодой и довольно симпатичный интеллигентный человек. Высокого роста, крепкого телосложения, эрудированный не по годам» [Вайсерман 1999, 71].

Именно в «Икоре» Форер знакомится с Нехамой Шейнфельд, которая со своими сестрами тоже приехала с Украины строить еврейскую родину на Дальнем Востоке. Несмотря на молодость, Шейнфельд обладала вполне правильной и перспективной советской биографией: в 1919 г. она оставила гимназию и ушла в партизанский отряд, в 1920 г. вместе с отрядом присоединилась ко Второй конной армии, приняла участие во взятии Перекопа, была санитаркой, работала в ремонтных мастерских. Форер и Шейнфельд поженились в «Икоре». Сохранилась фотография «ударницы Нины Шейнфельд», которая внимательно читает газету на идише [Марундик 2018, 184].

В 1934 г. Форера избирают председателем коммуны, которую предполагается превратить в колхоз. Вскоре «Икор» выходит на второе место в Дальневосточном крае. Форер и его жена становятся образцовой еврейской семьей с той территории, где ведется, как пишет советская ОЗЕТ-овская пропаганда, создание нового советского еврея-труженика [Кадышевич 1931; Диманштейн 1936].

Иосиф Форер еще молод, полон сил. Жена его тоже хорошая работница. Вначале она работала в поле, затем заведовала яслями... Он и его жена – ударники колхозных полей, участники областного слета стахановцев, премированы...» [цит. по: Марундик 2018, 129],

пишет о них газета «Биробиджанская звезда» в 1935 г.

Большое внимание семья Форера-Шейнфельд уделяла имянаречению. Своих детей, родившихся в 1933, 1934 и 1937 гг., они назвали Револьд («революционное движение» или «революционное дитя»), Маэлс (по первым буквам фамилий Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин) и Владлен (от сокращения имени и фамилии Владимир Ленин). Мы не знаем, когда именно, но Нехама изменила свое имя на Нину (так она уже подписывается в письмах в прокуратуру), а отчество - на Петровну (ее отца звали Пейсах).

Репрессии пришли в семью Форера-Шейнфельд в 1937 г. Форера вызывали по делам в Биробиджан (или же в Хабаровск, как в одном из заявлений пишет Шейнфельд) – оттуда он уже не вернулся. Его обвинили в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Польши и приговорили к 10 годам заключения. Вероятно, дело Форера можно рассматривать, в том числе, как эпизод польской операции НКВД, одной из национальных репрессивных волн, проходившей в СССР в 1937–1938 гг. Неслучайно Шейнфельд в письмах многократно возвращается к теме родителей своего мужа, в том числе отмечая, что после того, как Советский Союз в сентябре 1939 г. занял восточные территории Польши, родители Форера, проживающие в Гродно, оказались на советской территории, а значит, прокуратура могла проверить, что они «никогда собственности не имели, и живут исключительно от своих заработков» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 27 об.].

Первое письмо от мужа Шейнфельд получила спустя 9 месяцев после его ареста из Красноярского края, где Форер отбывал наказание [Марундик 2018, 298]. После этого она уехала в Украину, где в Житомирской области жил ее брат, также приезжала к отцу в Киев и его брату в Одессу. Выехать из ЕАО Шейнфельд, вероятно, смогла потому, что у нее на руках был паспорт – о его наличии пишет в своем письме ее отец. Однако поскольку «у ней Биробиджанский паспорт» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 57 об.], Шейнфельд не смогла добиться прописки ни в одном из мест, где жили ее родственники. Как отмечает Марундик, «ни в одном из этих мест она

не смогла <...> устроиться на работу, проживая последние накопления и те жалкие деньги, которыми могла помочь ей семья» [Марундик 2018, 187].

Письма Нины Шейнфельд в прокуратуру и Михаилу Калинин

В письме к председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Калинин, отправленном в мае 1939 г., Шейнфельд отмечает, что пишет жалобы уже в течение года. Однако в архивном деле самые ранние письма датированы маем 1939 г., где хранятся предыдущие – пока неясно. Таким образом, Шейнфельд начала писать «письма во власть», видя в этом надежду на разрешение своей ситуации и спасение мужа, с 1938 г. Согласно С. Коткину, женщины «играли важную роль советниц и защитниц семьи и дома» [Коткин 2001, 287].

Первые два письма (из сохранившихся в деле) Шейнфельд отправляет 27 мая 1939 г. Верховному прокурору СССР А.Я. Вышинскому и «всесоюзному старосте», покровителю «биробиджанского проекта» М.И. Калинин. Шейнфельд подробно описывает биографию своего мужа, доказывая, что его арест и осуждение – несправедливость и ошибка. Она подчеркивает его моральные качества («Благодаря честной и преданной работе заслужил доверие колхозников»; «своей честной преданной работой вывел колхоз в передовые колхозы Еврейской Автономной Области» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 1]) и аморальность его врагов (««Бдительный»-же парторг <...> сделать карьеру на борьбе с врагами народа стал разными хищрениями преследовать меня за то что я не отказываюсь от своего мужа» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 11]).

Шейнфельд подробно описывает историю колхоза «Икор», рассказывая о заслугах своего мужа, принявшего руководство «в самый тяжелый момент – в период перехода с устава коммуны, на устав сельскохозяйственной артели» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 11]:

Муж принял хозяйство в совершенно разрушенном виде. Один участок коммуны, где проектировался какой-то социалистический

городок, нужно было ликвидировать. <...> Лодыри и прогульщики требовали чтобы им давали по потребностям из колхозной кладовой. Стадо было без кормов. Когда-же муж стал проводить в жизнь устав с.-х. артели, лодыри и другие темные личности завопили, что муж разгоняет людей из колхоза, и стали искать себе теплых местечек [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 11 об.; 12 июля 1939 г.].

В нарративе Шейнфельд Форер противостоит «маловерам» – тем, кто не верил в преобразование коммуны в колхоз, в будущий обильный урожай и в выживаемость колхозного стада в трудных условиях. Форер, как отмечает его жена, интересовался жизнью колхозников и старался помочь каждой нуждающейся семье. После работы он заходит к ним домой, «чтобы знать, чего ему <колхознику> не хватает, и что надо сделать для улучшения его бытовых условий» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 12 об.].

Арест Форера Шейнфельд напрямую связывает с письмами «клеветников», которые высылали «клеветнические заявления» на Форера «в ноябре месяце 1937 г.» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 13]. Парторг Иоффе, которого Шейнфельд практически в каждом письме обвиняет в клевете на мужа, заставлял ее отказаться от Форера на одном из колхозных собраний:

...тем более, что жили мы совместно всего только шесть лет, так это не так трудно сделать. Когда-же я сказала что я должна знать за что я отрекаюсь от человека, тогда я почувствовала, что значит неповиновение. У меня жили 2 колхозника-холостяка, им велели уйти с моей квартиры, как неблагонадежной. Никому не разрешили иметь со мной ничего общего, подстрахом быть зачисленным «пособником» шпиона. На общем собрании колхозников, парторг Иоффе ставил вопрос о том, что надо передать в НКВД колхозника, который совместно со всей почтой отвез и мое письмо и посылку мужу в лагерь [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 18 об.],

описывает Шейнфельд объявленный ей «негласный бойкот» и последующие за ним социальную изоляцию и отсутствие поддержки.

Шейнфельд рассказывает в письмах, что из-за того, что она «была поставлена в такие условия», ей пришлось уехать из «Икора» и валяться

в чужом углу, на полу, под одним одеялом со всеми детьми, не имея возможности приобрести себе даже деревянной койки и пару табуреток» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 18 об.].

Языком канцелярской советской характеристики Шейнфельд пишет о муже:

Знаю своего мужа как исключительно честного и преданного, делу советской власти, работника. Работала с ним в течение семи лет в одном колхозе» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 1 об.-2].

Она просит проверить его дело и

дать нам возможность вернуться в трудовую семью советского народа. Уж слишком тяжело очутиться за бортом жизни, не чувствуя за собой никакой вины» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 2].

Здесь мы видим, как она спрашивает возможность после очистительных страданий снова присоединиться к семье народов, интерпретируя таким образом свою жизненную ситуацию.

К М.И. Калинину Шейнфельд обращается «в последней надежде» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 17]. Это письмо во многом повторяет проанализированные выше письма в прокуратуру. Однако в нем появляется интересная подробность. Доказывая невиновность Форера и отмечая, что «никаких дел у мужа не было», его жена пишет, что «единственно он переписывался со своими родителями в Польше» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 17]. Но чтобы удостоверить адресата, что никаких крамольных сведений в письмах не было, сразу же добавляет, что «эти письма мы писали сообща, кроме вопросов личных, семейных мы в письмах не затрагивали» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 17]. Даже родители Форера

выступают как ответственные сознательные адресаты, мечтающие о советской «земле обетованной»:

...родители-же из Польши всегда жаловались на нужду, безработицу и просили их взять в заветный Советский Союз [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 17].

В письме М.И. Калинину Шейнфельд развивает тему парторга Иоффе, который, как она пишет, сделал ее жизнь в «Икоре» после ареста мужа невыносимой:

Иофе, неоднократно исключенный из партии за бытовое разлагательство, решил сделать себе карьеру «бдительного» коммуниста в борьбе с «врагами народа» со мной [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 18].

Это достаточно типичный нарратив для писем во власть и автобиографий, где своя собственная чистота и правильность защищаются «от противного» – через подробное описание аморальных врагов, которым государству не следует доверять:

Если отдельный субъект и государство движутся в едином строю по траектории революционного очищения социального пространства, и если оба принимают насилие как легитимный инструмент, необходимый для ваяния общества и себя, что происходит с отдельно взятым индивидуумом, который становится мишенью очистительной кампании? Он может попытаться защитить свою чистоту или пообещать исправиться, либо он может указать на (нечистых) клеветников как на источник своего несчастья и обвинить их, но его возможности вытащить себя со скамьи подсудимых ограничены заданной на уровне дефиниций субординацией субъекта <...> объекту (объективной реальности, воплощенной в партии и государстве [Халфин, Хелльбек 2002, 235–236],

отмечал Й. Хелльбек.

Шейнфельд перечитывает и редактирует свои письма. В письме от 19 июня 1939 г., где она характеризует Иоффе,

женщина дописывает чернилами другого цвета, что жена парторга «была судима за убийство ребенка» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 3 об.]. Кроме Иоффе, во враги Шейнфельд записывает жену пастуха Полю Бурнштейн, которая «подняла травлю»,

стала распространять слухи что муж знал, что его арестуют и перед арестом забрал в колхозе 2000 р. Что корова наша еще совсем не выплачена и напрасно меня жалеть. И много других небылиц [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 18].

Такое поведение согласуется с данными других источников этой эпохи:

Нам известно, как люди редактировали свои автобиографии дабы представить себя в лучшем свете, и как им все равно не удавалось создавать «неуязвимые» нарративы [Халфин, Хелльбек 2002, 225].

Шейнфельд перечисляет в письмах так много деталей своих взаимоотношений с колхозниками, ходивших слухов, что кажется, будто она защищается заранее от возможных вопросов, других версий произошедшего.

В письме к М.И. Калинину она отмечает, что ее трудная ситуация стала результатом «бдительности» присосавшихся к Советскому Союзу пиявок» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 20]. Она вновь, перечисляя свои заслуги и заслуги мужа, просит помочь им вернуться «к той жизни, которой мы отдали свои молодые, самые лучшие годы, жизни, которой мы готовы отдать свои все силы [ГЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 20–20 об.]».

Как отмечал Стивен Коткин,

коммунизм вдохновлял людей настолько, что даже личный опыт и настоящий ужас перед репрессиями не могли заставить «истинно верующих» отказаться от дела социализма [Коткин 2001, 295].

Это заметно на примере анализируемых писем, автор которых постоянно развивает идею своей веры в социализм и

желание вернуться к прежней жизни, несмотря на переживаемые лишения, унижения и несправедливость.

Неоднократно Шейнфельд в письмах в прокуратуру просит опросить свидетелей, которые знали Форера как «честного и преданного до последнего работника». Это члены колхоза «Икор», каждого из них Шейнфельд характеризует. Немаловажно, что при некоторых фамилиях она указывает, что эти люди были арестованы «по клевете», а затем освобождены, видя в этом, вероятно, надежду на возможное освобождение и ее мужа.

Женщина также описывает положение Форера в лагере, обращая особое внимание на его пошатнувшееся здоровье и взывая не только к справедливости, но и к милосердию и гуманности прокуроров:

...разбитый и подавленный морально, муж физически заболел в ссылке. У него еще дома были слабые легкие, а 2 1/2 года ссылки его совершенно свалили с ног. Дальнейшее промедление и затяжка пересмотра его дела грозит ему гибелью [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 19 об.],

подчеркивает Шейнфельд в письме прокурору ЕАО от 23 апреля 1940 г.

Она не только просит, но и задает вопросы, касающиеся того, где, на каком уровне застряло дело Форера, выражая готовность «достать его за всякую цену» самостоятельно. Шейнфельд не выбирает выражения, когда пишет о приговоре, вынесенном мужу, и, например, называет «особую тройку», которая вынесла свой вердикт «без всякого суда и следствия» «милостивой» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 20].

Письмо Сталину

20 июня 1939 г. из Одессы Шейнфельд пишет письмо «дорогому тов. Сталину», в котором просит его «во имя справедливости» помочь «выйти из этого заколдованного круга»:

Все говорят: жалуйтесь в центр. Уже полтора года как я то и делаю, что пишу в центр и ни одного ответа, а мужу не разрешают писать [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 5].

В этом предложении проявляется вера советского человека в то, что решение своих проблем можно найти только на самой верхушке власти. Далее Шейнфельд открыто пишет, что ее мужа арестовали в 1937 г., «когда происходили массовые аресты».

Мой муж был безусловно честен и предан как в отношении своей работы, так и в отношении Советской власти. Никаких переписок, знакомств, помимо колхозных он не имел [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 5],

рассказывает Шейнфельд, снова отмечая, (как в письме к Калинину), что муж переписывался с родителями из Польши.

Точно так же, как в своих предыдущих письмах, Шейнфельд подробно описывает свои взаимоотношения с «врагами», которые «клеветают» на нее. Она также вспоминает о публикациях о ней, которые вышли в местной газете «Биробиджанер Штерн» на идише («Это была суцая ложь» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 6 об.]):

Что-бы еще больше поиздеваться надо мной, клеветают на меня через печать. В областной газете «Биробиджанер Штерн» пропускают заметку на меня, что я работать не хочу. Только хожу с квартиры в квартиру, развожу склоки, ссору до того между собой колхозниц, что они не выходят из-за этого на работу и таким путем я подрываю посевную. Это была суцая ложь. За все 8 лет моей жизни в к-зе не было случая что-бы я вела сплетни, тем более что-бы из-за кто нибудь ссорился» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 7],

пересказала Шейнфельд содержание публикации в письме к Сталину.

Когда она пошла в редакцию, чтобы спросить, почему они это напечатали, ей ответили, что «дело редакции печатать, а оклеветанного оправдываться» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148.

Л. 7]. Таким образом, областная еврейская газета была еще одной площадкой, где могло происходить конструирование индивидом своей субъективности в попытке оправдаться.

Шейнфельд очень подробно описывает бедственное положение и общественную изоляцию, в которой она оказалась из-за ареста мужа:

Жестокость отношения ко мне доходила до того, что я сама пилила поперечной пилой дрова, люди проходили, опускали глаза что бы не глядеть мне в лицо и боялись подойти мне помочь, что-бы им не приписали связь с врагом народа» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 7 об.].

В письме Сталину она подробно описывает свое душевное и физическое состояние после ареста мужа и собственной социальной изоляции. Например, Шейнфельд жалуется, как от тяжелой работы и жизни в нетопленном жилье она «заболела нервным воспалением поясничных позвонков» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 7 об.], а в «нервном припадке» она «бросилась бить окно, но разбив по дороге дверь и искалечив руку, остановилась» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 7 об.]. Именно после этого, как отмечает автор письма, она приняла решение уехать из ЕАО. Она не скрывает, что арестован был не только ее муж, но еще и один из братьев (о котором умолчит в своем письме отец Шейнфельд), который был в 1937 г. исключен из партии и выслан из Киева, но «уже возвращен из ссылки, уже реабилитирован» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 8].

Шейнфельд просит адресата своего письма «обратить внимание» на ее «бедственное положение»:

Живя в стране трудящихся, надеюсь, что вы не дадите мне с ребятами совершенно пропасть и предпримете что нибудь по моему заявлению. Прошу проверить дело моего мужа, что-бы снять с нас незаслуженное пятно врагов народа [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 8 об.].

Советский «субъект определял себя в соотношении с ключевыми событиями в истории молодого большевистского

государства, а именно: с революцией и гражданской войной» [Тихомиров 2016, 140]. Об этом же писал Стивен Коткин в «Говорить по-большевистски». В письме к Сталину Шейнфельд вспоминает о своих былых заслугах перед СССР:

Я сама в годы гражданской войны бросила школу и пошла добровольно и добросовестно работать на разных работах после Армии [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 9].

Письмо от отца

В августе 1940 г. отец Нины – Пейсах Нусевич Шейнфельд – пишет из Киева письмо Военному прокурору СССР. На самом письме нет даты, однако его поступление в прокуратуру регистрируется 21 августа 1940 г. Шейнфельд-старший начинает его с цитаты из «любимого» Сталина и просьбы «выслушать и помочь» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 57]. В письме две просьбы – «принять срочных мер к пересмотра дела Форера» и «восстановить этой семье в колхозе и помочь восстановить уничтоженное хозяйство» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 58].

Шейнфельд-старший сообщает, что его зять приехал в СССР из Аргентины, потому что СССР – это «государство, где Евреи имеют полного уюта, застрахованы от погромов, и полно правный со всеми людьми Советского Союза» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 58]. Несмотря на ошибки в русском языке, отец Шейнфельда явно идеологически подкован. Говоря об аресте зятя, он упоминает о том, что в это время во всей стране произошла

вредительская вспышка по Бухаринской теории <...> и тогда моя зять Форер Иосиф Исаакович был оклеветан этими вредителями, и он был осужден бухаринской тройкой на 10 лет, правда, что эта тройка и компания потом сама была осуждена [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 57].

П.Н. Шейнфельд отмечает, что говорит не о помощи, а «о Правде». И далее описывает биографию своей дочери, которая

пережила великую борьбу с белобандитом Григоровым на Перекопе в Крыму, была в армии с 1919 по 1922 годы, все это она сделала не для того, чтоб получить орденов, а за сознание своего долга к своему отечеству, отечество трудового народа [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 58].

Шейнфельд употребляет множество идеологических штампов, описывая «советские» судьбы своих детей, а самого себя называет «вечным пролетарием», который никогда не имел своей собственности. В пользу Шейнфельд, как следует из письма, должна сыграть и правильная советская биография ее брата, который, как подчеркивает в письме отец женщины, «и ныне в красную армию участник в восстановление западные области Украина и Беларусь» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 58].

Однако в его письме, так же как и в письмах самой Шейнфельд, появляются бытовые детали, свидетельствующие о бедственном положении женщины, оказавшейся в социальной изоляции и лишенной прописки. Отец Шейнфельд описывает, например, как в паспортном столе в Биробиджане, в очередной раз отказав Нине в прописке, посоветовали ей отдать детей в детдом, а самой уехать. Женщина решила, что «лучше самой погибнуть лишьбы спасти своих детей» и была готова прислушаться к совету, однако затем – после очередных написанных ею жалоб – все же получила прописку на три месяца, что, по мнению ее отца, давало властям «право на дальнейшее издевательство» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 58].

Когда это уже будит конец этим мытарствам? Вед же честный люд читает таких живых газет, [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 58],

пишет он, вероятно, полагая, что власти побоятся ситуации, негативно влияющей на мнение о ней в народе.

Развязка истории

С августа 1940 г. Нина Шейнфельд, после возвращения в Биробиджан и устройства на работу на Обозный завод

начинает требовать от властей не только пересмотра дела мужа, но и постоянной прописки:⁴

Я категорически заявляю, что отсюда никуда не поеду, ибо только теперь чувствую, что очутилась на твердой почве, где более или менее обеспечить существование моих детей. (...) Добровольно я больше никуда ни за что не поеду. Глупо сделала что первый раз испугалась ареста и большой этой глупости не сделаю» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 49].

Эти бескомпромиссные заявления кажутся достаточно резкими и смелыми по меркам 1940 г. Однако, как следует из дальнейших рассуждений Шейнфельд, она позволяет их себе от усталости и отчаяния. Более того, она даже пытается объяснить власти, что гораздо выгоднее держать ее на свободе, чем сажать как жену «врага народа»:

Я думаю, что ни Советская власть, ни коммунистическая партия, не заинтересованы в увеличении армии заключенных, только из-за «принципов» некоторых работников. А в том, что я никому и нигде не принесу вреда своей работой и жизнью можете контролировать меня везде, я ведь не скрываюсь [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 49–49 об.],

отмечает она, при этом не переставая писать в прокуратуру следующие жалобы, в которых перечисляет даже десяток фамилий тех «икоровцев», которые могут поручиться за ее мужа.

Развязка истории наступает в том же 1940 г. Постановлением биробиджанского прокурора от 4 сентября срок, к которому был приговорен Форер, сохраняется. В свидетельских показаниях находят подтверждение инкриминируемых ему антисоветских высказываний:

⁴ Ее отец в письме пишет, что Шейнфельд устроилась туда благодаря людям, которые «рискует своей жизнью за благо человечество» [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 57 об.].

ФОРЕР, будучи в колхозе, был антисоветски настроен. Выражал сожаление расстреленным врагам народа, был настроен против проводимых мероприятий на селе [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 51],

говорится в постановлении заместителя прокурора ЕАО.

А 24 декабря 1940 г. заместитель прокурора ЕАО по спецделам сообщает в прокуратуру ЕАО, что Нина Шейнфельд получила постоянную прописку в Биробиджане. Это спасло ее и детей от гибели в Холокосте. Трех детей ее брата Намума, ушедшего на фронт, расстреляли на глазах у русской матери, сестра Роза и отец тоже погибли.

Сам Иосиф Форер 8 ноября 1940 г. пишет из лагеря письмо «Ниночке и деткам», уже зная о принятом в отношении него решении. Это единственное письмо от него, хранящееся в деле, – вероятно, оно не было доставлено адресатам и осело среди других документов по делу Форера.

Форер, как следует из письма, явно разочарован и полагает, что

как видно не интересуются проверить человека правду сказать не хочется об этом говорить надоело уже [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 71].

Вместо рассуждения о несправедливости и своем деле Форер просит жену подробнее написать о том, как дела у семей из колхоза «Икор», перечисляя их пофамильно, и просит Шейнфельд «беречь деток»:

Может быть придет тот счастливый час что мы еще будем жить вместе, не беспокойся дорогая я не сильно заболел [ГАЕАО, Ф. 83. Оп. 7. Д. 148. Л. 71 об.].

По данным архивного дела Иосифа Форера, «наказание он отбывал в системе Севжелдорлага МВД СССР, в рабочем поселке в Коми АССР, где 17 мая 1946 г. умер» [Марундик 2018, 191]. Был реабилитирован 25.05.1957 облсудом ЕАО за отсутствием состава преступления [Форер 2015].

Заключение

Письма Нины Шейфельд, ее отца и Иосифа Форера являются важным и интересным источником для изучения советской (или даже советской еврейской) субъективности. Нина Шейнфельд не просто сухо перечисляет свои просьбы, но горячо апеллирует к справедливости, доказывая, что обвинение неправомерно, а наказание понес совсем не тот, кто его должен был понести. Интересно, что своим детям (двое из них до сих пор живы, проживают в Израиле) Шейнфельд практически ничего не рассказывала об этом трагическом периоде. Подробности дела сыновья узнали из писем, обнаруженных ими в ГАЕАО. Существует и следственное дело самого Форера, которое могло бы дополнить корпус источников, однако, насколько мне известно, дети погибшего председателя колхоза «Икор» не смогли получить к нему доступ.

Мне кажется, что сохранившийся корпус писем заслуживает не только внимательного анализа, но и публикации – это ценный источник по истории сталинских репрессий в ЕАО, а также важное свидетельство активной позиции советской женщины, которая, с одной стороны, полностью самоидентифицируется с государством, сознает себя его отражением, а с другой – находит в себе смелость вступить в борьбу с репрессивным государственным аппаратом.

Источники

ГАЕАО – Государственный архив Еврейской автономной области. Ф. 83, Оп. 7. Д. 148. «Наблюдательное производство по жалобе Шейнфельд Н. по делу Форера И.И.». 78 л.

О революционной законности 1918 – О революционной законности. Постановление Чрезвычайного VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 года // Конституции и конституционные акты РСФСР. (1918–1937). М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. С. 39–40.

Литература

Вайсерман 1999 – *Вайсерман Д.И.* Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск: РИОТИП, 1999. 512 с.

Диманштейн 1936 – Диманштейн С. Еврейская автономная область – детище Октябрьской революции. М.: Издательство «Дер Эмес», 1936. 42 с.

Зубкова 1999 – *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 229 с.

Кадышевич 1931 – *Кадышевич М.* Биробиджан – страна больших возможностей. М.: Издательство «Дер Эмес», 1931. 38 с.

Кимерлинг 2013 – *Кимерлинг А.С.* «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 2. С. 5–15.

Коткин 2001 – *Коткин С.* Говорить по-большевистски // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 250–328.

Марундик 2018 – *Марундик Е.Г.* Городок всемирного масштаба. Биробиджан: Омега-Пресс, 2018. 264 с.

Сталин 1949 – *Сталин И.В.* О работах Апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. 382 с.

Тихомиров 2016 – *Тихомиров А.* Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158.

Форер 2015 – Форер Иосиф Исаакович // Вспомним всех поименно. 21.06.2015. <http://eao.memo27reg.org/pamat-1/foreriosifisaakovic>.

Халфин, Хелльбек 2002 – Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 217–260.

Чернышова 2005 – *Чернышова А.В.* «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (исторический аспект) // Социология власти. 2005. № 4. С. 114–121.

Шкаликова, Нагорная 2017 – *Шкаликова С.М., Нагорная О.С.* Историческая ретроспектива коммуникации граждан с властью в дореволюционный и советский периоды // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. № 2 (17). Т. 1. С. 75–79.

A Story About a Husband in a Camp and a Residence Permit in Birobidzhan. The Letters of Nina (Nehama) Sheinfeld to the Soviet Authorities (1939–1941)

Maria Makarova

University of Warsaw
Warsaw, Poland

PhD Student

ORCID: 0000-0001-9227-7581

University of Warsaw, Faculty of History
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa
Tel. + 48 (22) 552-04-13

E-mail: maria.makarova@uw.edu.pl

DOI: 10.31168/2658-3380.2021.21.3.3

Abstract: The article is dedicated to the analysis of a corpus of letters written by N. Sheinfeld in 1939–1941 to the Soviet procuracy and to the USSR authorities. The source is deposited in the State Archive of the Jewish Autonomous Region (a copy is in the CAHJP in Jerusalem). In the letters, Sheinfeld sought justice for her arrested husband Iosif Forer, as well as her own rehabilitation. The case includes 18 letters from Sheinfeld, her father's letter to the USSR military prosecutor, a letter from her husband Iosif. Forer to his family, internal prosecutorial correspondence, and documents about the revision of Forer's case. The corpus of letters is analysed within the framework of the methodology of "soviet subjectivity" (I. Halfin, I. Hellbeck). It also considers Sheinfeld's construction of her husband's and her own biographies, as well as her construction of a system of evidence in defence of Forer.

Keywords: *Birobidzhan, Jewish Autonomous Region, Nina Sheinfeld, repression, Great Terror, Polish Operation of the NKVD, letters*

References

Chernyshova, A.V., 2005, "Pis'ma vo vlast'" kak otrazhenie rezul'tatov gosudarstvennoi politiki (istoricheskii aspekt) ["Letters to the authorities" as a reflection of the results of state policy (historical aspect)]. *Sotsiologiya vlasti*, 4, 114–121.

Dimanshtein, S., 1936, *Evreiskaia avtonomnaia oblast' – detishche Oktiabr'skoi revoliutsii* [Jewish Autonomous Region – the brainchild of

the October Revolution]. Moscow: Izdatel'stvo "Der Emes", 42.

Halfin, I., Hellbeck, J., 2002, Interv'iu s Igalom Halfinym i Jokhanom Hellbeckom [Interview with Igal Halfin and Jochen Hellbeck]. *Ab Imperio*, 3, 217–260.

Kadyshevich M., 1931, *Birobidzhan - strana bol'shikh vozmozhnostei* [Birobidzhan – a country of great opportunities]. Moscow, Izdatel'stvo "Der Emes", 38.

Kimerling, A.S., 2013, "Proshu razobrat' eto pis'mo i odstranit' odnos-toronnii vzgliady na rabochikh, a inache ia budu vynuuzhden napisat' v TsK nashei partii": pis'ma vo vlast' v poslevoennye gody [«Please inquire into this letter and eliminate unilateral view on workers, otherwise I will be compelled to write to the Central Committee of our party»: letters to authorities in post-war years]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, serii *Istoriia Rossii*, 2, 5–15.

Kotkin, S., 2001, Govorit' po-bol'shevistski [Speaking Bolshevik]. *Amerikanskaia rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii pe-riod*. Samara, Izdatelstvo "Samarskii universitet", 250–328.

Marundik, E.G., 2018, *Gorodok vseirnogo masshtaba* [Town of global scale]. Birobidzhan, Omega-Press, 264.

Shkalikova, S., Nagornaia, O. 2017, Istoricheskaiia retrospektiva kom-munikatsii grazhdan s vlast'iu v dorevoliutsionnyi i sovetskii periody [Historical retrospect of communication of citizens with power in Pre-revolutionary and Soviet periods]. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh I spetsialistov Chelyabinskoi oblasti*. 2 (17), vol. 1, 75–79.

Stalin, I.V., 1949, O rabotakh Aprel'skogo ob"edinennogo plenuma TsK i TsKK. Doklad na sobranii aktiva Moskovskoi organizatsii VKP(b) (13 aprelia 1928 g.) [On the work of the April joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission. Report at the meeting of the activists of the Moscow organization of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on April 13, 1928], Stalin, I.V., *Sochineniia*, 11. Mos-cow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 382.

Tikhomirov, A.A., 2016, Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe "ia" v pis'makh vo vlast' v rannei sovetskoi Rossii [Earning, Vin-dicating and Returning the Party's Trust: The Soviet «I» in Public Letter-Writing to Party-State Authorities in Early Soviet Russia]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 3 (17), 138–158. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.309.

Vaiserman, D., 1999, *Birobidzhan: mechty i tragediia* [Birobidzhan: dreams and tragedy]. Khabarovsk, RIOTIP, 512.

Zubkova, E., 1999, *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povs-ednevnost' 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life 1945–1953]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 229.